

"Почему, Тимоти?" Джордж пробормотал немного громче в этот раз, чтобы я услышал. Я посмотрел на него после того, как услышал его ослабленный голос, как моя аудитория в маске кричит и прыгает в унисон с тем, что я собираюсь сделать. "Зачем ты это делаешь? Ты мой брат, чувак, и всегда будешь прикрывать тебя, если ты просто скажешь слово. Ты знаешь это. Мы всегда вместе. Как так получилось, что ты превратился во что-то вроде... вроде того, кем ты сейчас являешься..." Я, наконец, увидел небольшую борьбу в том, как Джордж размахивает, как умирающий ленточный червь; я даже едва слышал звук трещин в его костях, когда мастер сгибает его еще дальше с невидимой силой, с которой он маневрирует, чтобы удержать Джорджа на месте.

"Изменился?" Я смеялся изо всех сил, но это звучало тихо по сравнению с восторженным ликованием толпы, которую я вижу на балконе выше. Хотя шум всего вокруг утонул в моем смехе, я уверен, что Джордж почувствовал насмешку, которая сопровождает мой каждый вздох. "Ну, я не изменился, понимаете? О чем ты говоришь, а, приятель? Что ты пытаешься сказать, а? Вот кто я. Это то, кем я всегда был."

"Почему?" Может, я и не могу хорошо видеть лицо Джорджа, но я все еще слышу печаль в его столах, когда он виляет, как потревоженный термит на мокрой деревянной доске. "Зачем ты это делаешь?"

То, как он вилял своим телом, могло потревожить окружающих нас людей, так что ликование толпы начало оседать. Вместо этого они теперь смотрят на нас глазами, наполненными предвкушением, и хотя я не могу их отчетливо видеть, я чувствовал, как их дыхание усиливается, как звук их штанов обволакивает зал, в результате чего температура окружающей среды становится теплее.

"Тебе нужна помощь, Тимоти?" Хозяин рингмастер махнул на меня снизу платформы своим обычным нежным тоном и улыбкой, но в нем нет той же игривости. Если бы я не знал Ringmaster долгое время, я бы подумал, что у него есть двойная тревога по поводу того, как он говорит, что невозможно для такого человека, как он. Тем не менее, я могу с уверенностью сказать, что он не уверен в том, что я смогу успешно избавиться от человека, стоящего передо мной.

Почему? Потому что он немного пошевелился?

"Я в порядке, Рингмастер", я ответил мягко, не глядя на его направление.

"Ты уверен?" Он сказал, что, делая несколько шагов к платформе. "Мы можем освободить цепи, если вы..."

"Я сказал, что со мной все будет хорошо, Лукас!" Я рычал так тихо, как только мог, чтобы не предупредить всех вокруг нас, прерывая слова Хозяина Рингмастера, когда я отвлекал на него свой взор. Я смотрел на него покрасневшими глазами, угрожая, что если он когда-нибудь ступит на эту платформу, то я никогда не прощу его за то, что он прервал этот прекрасный момент моей жизни. Хотя я не сказал ни одного из этих слов, того, как Хозяин Рингмастер

сделал несколько шагов назад после того, как увидел выражение моего лица, было достаточно, чтобы я сказал, что мое послание было правильно передано. "Я буду в порядке", - сказал я так спокойно, как только смогу, без ни капли своей прежней яростной ликования.

"Я вижу", - усмехнулся Хозяин Рингмастер. "Прости, что сомневался в тебе, малыш Тим."

Я не ответил на то, что сказал Властелин, а просто вернул свой взгляд Джорджу, который до сих пор изо всех сил пытается оторвать своё тело от этой ситуации. Я вздохнул. "Знаешь, Джордж, сначала я не знаю, почему я такой или почему я делаю это." Я поднял обе руки, плотно захватив ручку трехфутового длинного, скучного топора. "Но теперь я знаю, что, делая это, я просто принимаю себя таким, какой я есть на самом деле." Найти авторизованные романы в Webnovel, более быстрые обновления, лучший опыт, пожалуйста, нажмите www.webnovel.com для посещения.

Возможно, Джордж видел мою тень на земле, он извивался еще сильнее, прежде чем я успел раскатать топор на его шее. Когда я, наконец, опустила лезвие на его тело, ему удалось отойти на несколько дюймов от того места, где он когда-то находился, в результате чего топор попал ему на спину на три дюйма ниже затылка.

Я щелкнул языком и показал неудовлетворенную гримасу по поводу того, что он сделал перед тем, как снять топор со спинного мозга со всей силы. Когда я это сделал, кровь вылилась из спины Джорджа, как из сломанного крана, и она мгновенно капала вниз по платформе. Это вызвало волну аплодисментов от зрителей, и я даже видела, как Вероника хлопала в моем периферийном зрении, и я знаю, что эта женщина - не тот человек, который хлопал бы по моим достижениям.

Глядя на его рану, я увидела, что топор сделал именно то, что я хотела, чтобы скучное лезвие. Оно не прорезало ему кожу чистым и даже ударом. Он абсолютно разбил его кожу, как будто это был клочок бумаги, силой разорванный огромными когтями. Удар разорвал его так сильно, что казалось, будто леопард укусил его за кожу и оторвал ее, оставив на спине отвратительную порцию, похожую на порванные дизайнерские джинсы. Ужасные крики Джорджа доказали, насколько мучительным был этот удар; можно было даже увидеть, насколько болезненным он мог быть, глядя на то, как кожа вокруг разорванной части выглядела как шелушащийся и засохший лист.

Однако то, что я вижу, не понравилось мне, потому что я целился ему в шею. Мастер Рингмастер мог это заметить, поэтому он использовал любое невидимое колдовство, которое он использовал, чтобы прижать Джорджа и как-то настроить его так, чтобы он держался за него еще крепче. Когда он это сделал, я услышала звук трещин на костях Джорджа. На этот раз добыча ничего не могла сделать, кроме как помолиться. Бросьте мысль двигаться на несколько сантиметров, у него даже не хватает сил, чтобы покачивать телом, как раньше.

Я снова поднял обе руки, все еще с топором на жесткой хватке. "Ты однажды спросил меня, есть ли там кто-то, кто родился как злой кусок дерьма". Я задыхался, когда почувствовал, как пот пробирается сквозь мой костюм. "Да, это именно те слова, которые ты сказал, злой кусок дерьма. Интересно, да? Я всегда так думал."

"Сто... п..."

Услышав слабую мольбу Джорджа, я, наконец, взмахнул топором со всей силы, но топор был слишком тяжелым, что он потянул всю верхнюю часть моего тела вниз с ним, что чуть не заставило меня споткнуться о равновесие. Тем не менее, когда топор попал в цель, мне удалось найти свою опору. На этот раз мой качели были на высоте! Прямо на его затылке, где он и должен быть. Теперь, если бы я использовал острый топор без масляного покрытия, все это исполнение было бы сделано. Используя острый топор, я бы ударил, как гильотина, и тяжелую голову Джорджа с одним полным ударом, заканчивая его жизнь прямо там с одним последним вкусом боли, но так как я специально попросил использовать тупой топор с масляным покрытием, это заняло бы еще несколько качелей, прежде чем я мог бы обезглавить его голову с его шеи. Это потому, что острый лезвие будет резать; оно будет легко скользить вниз, и на этом все закончится. Тупой нож оторвет кожу, как тупое оружие, что заставит его остановиться на полпути, прежде чем полностью сползти вниз. В паре с маслом, это займет много усилий, прежде чем этот топор будет проникать через человеческую шею.

Забавная вещь в том, что это должно было быть относительно безболезненное исполнение, но так как Джордж все еще выпускает болезненный звуковой крик, это означает, что он все еще имеет достаточно жизни в нем, чтобы чувствовать свою душу, оставляя свою смертную плоть.

Потом это началось.

Люди над нами все начали бормотать, тихо произнося слова, в игривой и несколько неслышной форме, так что только горстка людей внутри них могли слышать, в то время как некоторые кричали это в верхней части своих легких, так громко, как они могли получить, чтобы привлечь внимание окружающих их людей. Несмотря на то, что они не произносили слова в полной гармонии и не произносили их с такой же громкостью и громкостью, эти несколько слов все же избегали маленьких щелей между их губами.

"Караван движется дальше".

"... Караван движется дальше."

"Караван... Караван... движется дальше."

"Караван движется дальше!"

"КАРАВАН ДВИЖЕТСЯ ДАЛЬШЕ!!!"

Я усмехнулся, услышав знакомое пение людей, возвышающихся над нами на балконе из слоновой кости сверху. Это форма традиции, которую мы всегда поддерживали здесь, в этом чудесном дворе, управляемом нашим уважаемым Рингмастером. Это то же самое, как японцы бормочут "Иттадакимасу" перед едой. Это также похоже на то, как христиане говорили бы "Мир вам" вокруг поздней части мессы. Это вокальная традиция, которую мы всегда

поддерживали, несмотря ни на что, и которая была бы достаточно веской причиной, чтобы избегать кого-то за то, что он этого не делал.

"Караван движется дальше". Я слышал, как Хозяин Рингмастер говорил так, как будто он направлял эти слова на меня.

Это вокальный ритуал. Традиция, которая требует, чтобы человек говорил одну простую фразу.

Она означает начало жертвоприношения ягнёнка ради развлечения людей. Наличие центрального разряда на ринге нашего малинового Властелина означает, что все уже лишили тебя человечности. Теперь ты всего лишь часть чужого восприятия.

"Это причина, по которой ты знаешь об этом пении, Джордж?" Я хихикал, когда чашу руки за уши, чтобы казалось, что я изо всех сил стараюсь слушать хаотично звучащую смесь бормотания и криков, которые все показывали к тому времени, когда увидели, как я нанёс первый удар на нюхательный фестиваль в этом году. "Есть так много вещей, которые вы могли бы запомнить, когда мы показали вам смерть вашей дочери, и что самое запоминающееся для вас - это та часть, где все начали бормотать на умирающем трупe вашей дочери?"

Джордж хранил молчание, бормоча непонятные слова под своим дыханием.

"Дай мне холодное плечо, а, лучший друг?" Я сказал, что за этим последовал снисходительный смех, который, должно быть, раздражал его, потому что я видел, как он дёргался, возможно, бессознательно. "Теперь я не знаю, родился ли я таким, Джордж, ты знаешь, как злой кусок дерьма, но я знаю, что я не такой хороший человек, как ты". Я ненормальный, Джордж. И ты так случайно оказался самым близким человеком для меня".

Джордж теперь выглядел слабее и бледнее. Я заметил это, поэтому на этот раз он намеренно потянул топор медленнее с более слабой силой, чтобы заставить Джорджа почувствовать, как каждая секунда, проходящая мимо, превращается в бесконечное время абсолютных страданий.

"Я делаю это, потому что это тот, кто я есть, Джордж; я просто на самом деле не в порядке с пути сюда", - сказал я, постукивая двумя пальцами по голове над ухом. "Теперь я здесь, в месте, которое приветствует то, кто я есть! Все празднуют, когда я делаю то, о чем всегда мечтал, а Джордж, с самого детства я всегда хотел убить тебя, разрушить твою жизнь и сделать тебя самым жалким трупом в мире. Я ничего не могу с этим поделать! Я так, так охуенно завидую! Я так охуенно ревную ко всему, что делает тебя тем, кто ты есть! И они дали мне этот шанс, Джордж, они дали его мне! Ты можешь называть их злыми кусками дерьма, но как я могу не чувствовать, что я принадлежу?"

В конце концов, я снял топор с его головы, и без лишних слов качнул его вниз на Джорджа, но на этот раз я, наконец, рассчитал приблизительную силу, необходимую для того, чтобы я качал топор, не снимая с него свое тело. Когда я услышал стук лезвия, ударившего по костям в шее Джорджа, окружающие люди начали реветь в возбуждении, в то время как Джордж

выплескивал кровь из своих губ, пытаюсь говорить напрасно.

"Ты такой... Нормальный! Ты такой обычный человек, и я всегда был так зол из-за этого, потому что я далек от нормального; я не обычный, и я не такой, как ты! Я никогда не буду таким, как ты, Джордж, и я всегда хотел увидеть день, когда я увижу тебя мертвым! Я всегда хотел быть тобой, и каждый день своей жизни мне напоминают, что я не часть твоей группы нормальных людей, которые ходят в нормальном мире, делая нормальные вещи!".

Когда я почувствовала, как адреналин проносится по моему телу теперь, когда гнев наконец-то пронесся в мою голову, я почувствовала, как обращение с трехфутовым топором было похоже на размахивание мешком с перьями. Я больше не собирался откладывать эту казнь, так что я быстро качал топором вниз по шее Джорджа. Тем не менее, я недооценил, насколько скучным было это оружие, потому что, несмотря на слабость и смерть, Джордж все еще очень сильно дышит.

Мне нравилось видеть это больше всего на свете! В конце концов, Джордж почувствует больше того, что у меня есть для него, прежде чем его голова, наконец, оторвется от земли вместе с его толстой, нормально выглядящей кровью.

Я хихикал с сумасшедшей улыбкой на лице, когда чувствовал, что все, что осталось во мне в здоровом уме, ускользает вместе с душой человека, которого я однажды назвал другом. "Ты - постоянное напоминание в моей жизни, что что бы я ни делал, мне никогда нигде не будет места! А теперь посмотри вокруг, посмотри, если сможешь, посмотри, сколько сможешь! Все за меня болеют! Мне место здесь! Эти люди такие же злые куски дерьма, как и я, и я не был в порядке с тех пор, как мы были молодыми, молодыми мальчиками! Это место, где я могу летать, чувак, летать, как один из тех орлов, за которыми моя мать охотилась в горах, чувак! Я наконец-то нашел свой народ, и наконец, теперь, когда я убиваю тебя, и теперь, когда все сумасшедшие, ненормальные и совершенно сумасшедшие собрались в одном месте, чтобы посмотреть на смерть кого-то нормального, простого, хорошего и здравомыслящего, как ты, вопрос вдруг заскочил мне в голову, ну, знаешь, просто из ниоткуда... Что вообще нормально?"

Затем я качал его головой с последней оставшейся в моей голове каплей силы, и со всей силы я видел, как голова Джорджа отрывается от его шеи, как крышка винной бутылки, громко взлетает в воздух! И точно так же, как всякий раз, когда кто-нибудь открывал бутылку вина, все вокруг собирались и радовались друг другу, ибо вечеринка началась, а настоящие дела не начнутся.

"Джордж, теперь, когда я вижу тебя здесь с людьми из моего народа, я начал понимать..." Я шепнул на изуродованную голову моего дорогого друга Джорджа, пока она катилась по земле, оставив на ее поминках малиновый след. Я пытался говорить так спокойно, как мог, но из моего рта начала вырываться громкая хихикающая, и как бы я ни старался это скрыть, смех, разгорающийся внутри меня, все равно выскальзывает наружу. "В конце концов, ты не такой уж и нормальный", - сказал я, хихикая, как будто только что увидел самое смешное, что я когда-либо видел в своей жизни.

Мой смех просачивается по всему корту, когда мои зрители говорят "Караван движется

дальше" в петле, которая, казалось бы, никогда не закончится.

<http://tl.rulate.ru/book/35095/892800>